

Пол признается матери в единственном, чего он хочет на свой 18-й день рождения.

"С днем рождения, Пол", - сказала Эшли, целуя сына в губы.

Не было ничего плохого в том, что мать целует своего сына. Просто поцелуй, Эшли всегда целовала своего сына. В течение дня, недели, месяца или года она не могла сосчитать, сколько раз она целовала Пола, а он ее. Они были близки, очень близки.

Для тех извращенных дегенератов, которые завидуют их любовным отношениям и хотели бы сделать что-то большее из того, что мать целует своего сына, ее поцелуй не означал ничего, кроме простого знака привязанности между матерью и сыном. Как вы смеете даже думать о том, что между этой любящей матерью и ее обожаемым сыном что-то происходит? Выньте свой разум из сточной канавы и уделите минуту времени, чтобы не только почувствовать запах роз, но и увидеть радугу. Жизнь не обязательно должна состоять только из секса, разврата и кровосмешения, не так ли? В этой истории так и есть (lol).

С этим 18-летьем он официально стал мужчиной, который теперь имеет право голосовать, подписывать юридические документы, обращаться за кредитной картой и целовать свою мать в губы. Возможно, она была охвачена восторгом от того, что он стал мужчиной, если и были какие-то неуместные, сексуальные проступки, возможно, ее поцелуй был немного длиннее, чем положено, но это был его особенный день. Сегодня был день рождения Пола. Более того, это была его мать, и он любил ее так же сильно, как она любила его.

"С днем рождения, Пол. Я люблю тебя", - сказала Эшли, снова целуя сына в губы.

Когда некоторые сыновья никогда не целовали своих матерей в губы и чувствовали себя комфортно, целуя их только в щеку, Пол не только всегда приветствовал материнскую ласку, но и всегда приветствовал ее поцелуи. Ему нравилось целовать свою мать, и, похоже, ей нравилось целовать его. Он с нетерпением ждал, когда почувствует на своих губах ее губы, покрытые кремовым блеском. Только с годами то, что обычно было просто уместным чмоком в губы, становилось все длиннее. Сегодня, в его особенный день, день рождения, поцелуй стал еще длиннее, когда Пол обхватил ее тонкую талию, притянул к себе и поцеловал так страстно, как никогда раньше.

Когда его быстро растущая эрекция уперлась в ее мягкий живот, их поцелуй внезапно стал более сексуальным. Целуя ее, не проникая языком в ее рот, он целовал ее так, словно она была его девушкой, а не матерью. То, что он хотел сделать с давних пор, шокируя даже себя тем, что воспользовался поцелуем матери и сделал ее ласки более сексуальными, вызвав эрекцию, даже он не мог поверить, что поцеловал свою мать таким неподобающим образом. Более того, возможно, он был удивлен тем, что поцеловал ее таким образом, но не мог поверить, что мать не отстранилась от него.

Похоже, если ему не показалось, она наслаждалась его поцелуем так же, как он наслаждался ее поцелуем. Такого никогда раньше не случалось, но однажды, когда они целовались после церкви, на церковной парковке, он наслаждался своим поцелуем так же, как она, похоже,

наслаждалась своим. Казалось, она хотела поцеловать его так же сильно, как он хотел поцеловать ее.

По правде говоря, когда он оставался один в своей комнате или в ванной - то, что он представлял себе, мастурбируя над воображаемыми образами своей матери, то, что он даже не мог себе представить, - ее тело в ночной рубашке так приятно прижималось к его телу в пижаме. Она всегда надевала в постель тонкую, легкую рубашку поверх кружевного бюстгалтера и кружевных трусиков. Как Люсиль Болл, Донна Рид и Джун Кливер ложились спать в лифчиках и трусиках, так и его мать была скромной и старомодной.

Иногда она спала в легкой рубашке и одних трусиках, без лифчика. Иногда, что случалось редко, возможно, когда ей было жарко ночью, она спала просто в трусиках. Дверь в спальню матери всегда была приоткрыта для лучшей циркуляции воздуха, и когда он ложился спать поздно или просыпался рано, то, проходя мимо ее комнаты, он всегда заглядывал туда, чтобы посмотреть, как она спит. Хотя бы для того, чтобы потом было над чем помастурбировать, он всегда смотрел, что она надевает в постель и что он может увидеть. Иногда, когда ему везло, после того, как она откидывала одеяло, ему удавалось разглядеть ее трусики.

Верный признак того, что его сексуально привлекает мать, - грубое преуменьшение, - как только он притянул ее к себе и поцеловал, так, как он поцеловал бы женщину, не являющуюся его матерью, у него возникла эрекция, которая прижалась к ее мягкому животу. Ощущение того, что он держит мать в своих объятиях и целует ее, было таким замечательным, что он подумал, чувствует ли она, как твердеет его член. Представляя, как он трахает ее, ему было приятно незаметно погладить головкой своего твердеющего члена ее живот. Длинными пальцами он провел по верхней части ее ягодиц и проследил за резинкой трусиков. Он отдал бы все, чтобы спустить ее трусики своими зубами. Как будто он был ее мужем, а не сыном, он был готов опустить руку вниз и погладить ее попку, обтянутую трусиками, через тонкую ночную рубашку.

Возможно, почувствовав зарождающееся сексуальное возбуждение сына, мать резко прервала его интимный момент, когда он терся членом о ее тело. Затем, когда кончик его языка на мгновение коснулся кончика ее языка, она прервала его поцелуй, когда он попытался раздвинуть ее губы своим языком. Как будто он засунул язык в сексуальную розетку и ударился током, голова закружилась от сексуального восторга, даже он не мог поверить, что только что пытался поцеловать свою мать по-французски, держа ее на руках. Даже он не мог поверить, как приятно было касаться ее языка своим. Даже он не мог поверить, как невероятно приятно медленно тереться о нее своим эректором.

Его язык коснулся ее языка лишь на мгновение, но этого короткого французского поцелуя было достаточно, чтобы он представил, каково это - целовать ее, по-настоящему целовать, по-французски. Он не мог дожидаться возвращения в свою комнату, чтобы помастурбировать над воображаемыми мыслями о французском поцелуе своей матери. Ему не терпелось помастурбировать, представляя, как он будет прикасаться к ней, чувствовать ее и ласкать ее во время поцелуя. Сделав свой ход и дав ей понять о своих кровосмесительных, сексуальных намерениях, он показал ей свои карты, и теперь была ее очередь играть или пасовать.

"Я никогда не думал, что этот день рождения наступит", - сказал он, быстро меняя тему

разговора и чувствуя себя неловко от того, что она прервала их поцелуй и мягко оттолкнула его, когда он попытался поцеловать ее по-французски.

Он все еще не отошел от сексуального возбуждения, вызванного попыткой поцеловать свою мать по-французски. Он всегда думал о том, чтобы сделать это, но, как будто это было произвольным движением, он просто подsunул ей свой язык. Теперь, когда он смотрел на нее, он видел только ее губы. Теперь, когда она открывала рот, чтобы заговорить, он видел только ее язык. Возможно, именно тогда, когда он достиг совершеннолетия, стал мужчиной, он сексуально захотел свою мать так, как никогда не хотел ее раньше.

Всякий раз, когда он вспоминал, как она отвергала его ухаживания, как он пытался поцеловать ее по-французски, он тут же вычеркивал это из памяти: она не просто отвергала его ухаживания, она отвергала его. Очевидно, она не хотела его так, как он хотел ее. Очевидно, что он был вне себя от кровосмесительной, сексуальной похоти к своей матери. Очевидно, что, кроме того, что он тестостероновый возбужденный молодой человек, с ним действительно было что-то не так, раз он пытался поцеловать свою мать по-французски. Очевидно, с ним было что-то серьезно не так, раз он хотел заняться сексом со своей матерью. Только, поскольку его сексуальные чувства к матери никогда не менялись, разве что горели ярче, чем когда-либо, он всегда хотел заняться сексом со своей матерью.

Обхватив ее рукой, не отстраняясь от нее, стоя так близко к ней, что он мог чувствовать биение ее сердца, он посмотрел на нее сверху вниз. Затем, когда она сопротивлялась и мягко оттолкнула его, верх ее частично расстегнутой ночной рубашки открылся достаточно широко и длинно, чтобы он смог увидеть то, что он никогда не должен был видеть в своей матери и то, что он всегда надеялся увидеть в ее прекрасном теле. В нужном месте, в нужное время, он имел четкий вид из-под ночной рубашки на верхнюю часть ее красивой груди, длинную линию сексуального декольте и ее красивый кружевной бюстгальтер. Он почувствовал, как его член дернулся и запульсировал от сексуального одобрения в знак признательности за тот сексуальный вид, который она ему открыла. Как только его член напрягся, надеясь, что это сделала она, он подумал, чувствует ли она, что его член тоже пульсирует в ней.

Поскольку она всегда носила кружевные трусики, сексуальные лифчики и сексуальные трусики, ему нравилось женственное белье его матери. Регулярно перебирая ее нижнее белье, когда ее не было дома, он любил нюхать ее грязные трусики и щупать поношенные лифчики. В этом не было ничего сексуального, матери его друзей носили простые белые лифчики, а бабушкины трусики, но не его мать. Его мать одевалась больше как модель Victoria's Secret, чем как его уважаемая мать. Он бы все отдал за то, чтобы его мать моделировала свое нижнее белье.

<http://erolate.com/book/1106/28402>